

Р.В. Моторнов*

БРАБАНТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1790 г. ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА М.С. НОВИКОВА

В апреле – августе 1790 г. в отложившихся от Австрии бельгийских провинциях побывал советник российского посольства в Гааге М.С. Новиков, отправившийся в Бельгийскую республику с «секретной комиссией» по приказу полномочного министра С.А. Колычева. В исследовании освещается подготовка миссии российского шпиона, а также цели и методы его работы. Установив на месте контакты с бельгийскими роялистами, дипломат имел возможность получать сведения о настроениях в революционном правительстве, его взаимодействии с иностранными державами, а также о состоянии армии.

Ключевые слова: Брабантская революция, движение протеста, М.С. Новиков, дипломатический шпионаж

Вспыхнувшая осенью 1789 г. в Австрийских Нидерландах Брабантская революция¹, стремительное свержение австрийской власти и провозглашение в январе 1790 г. революционной республики Бельгийских соединенных штатов привлекли к этой части Европы внимание всех великих держав, уже с опасением наблюдавших за стремительно набравшей обороты революцией в соседней Франции.

Великобритания, Республика Соединенных провинций Нидерландов и в первую очередь Пруссия не преминули воспользоваться возможностью оказать давление на Австрию путем негласной поддержки вос-

---

* *Моторнов Роман Васильевич, аспирант Института всеобщей истории РАН. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).*

¹ Революция получила название Брабантской по имени главной провинции Австрийских Нидерландов – Брабантского герцогства, где развернулись основные ее события. В современной бельгийской историографии все большую популярность приобретает другое название этой революции – *Révolution belge*, в отличие от Бельгийской революции 1830 г. – *Révolution belge*. «Belgique» в данном случае является устаревшей формой прилагательного «belge», употреблявшейся в конце XVIII в. Подробнее см.: *Polasky J. Revolution in Brussels, 1787–1793*. Brussels, 1987; *Намазова А.С.* Брабантская революция 1787–1790 гг. в Австрийских Нидерландах // *НиНИ*. 2001. № 6. С. 149–164.

ставших бельгийцев. Речь, безусловно, не шла о дипломатическом признании Бельгийской республики, лидеры которой к тому же первое время демонстрировали свою приверженность идеалам Французской революции². Тем не менее три союзных двора заняли позицию более чем благожелательного нейтралитета в отношении бельгийских революционеров: Республика Соединенных провинций не препятствовала деятельности возглавляемого адвокатом Анри ван дер Ноотом³ бельгийского революционного комитета, расположившегося в городе Бреда, а также формированию революционной армии в окрестностях города. Великобритания и Пруссия в свою очередь обещали представителям восставших финансовую помощь. Таким образом, союзные державы надеялись принудить Австрию, оказавшуюся не в силах подавить революцию, отказаться от продолжения войны с Турцией. Российской империи, которая с 1787 г. вела совместно с Габсбургами войну против Османской империи, требовалось присутствие австрийских войск на Балканах, чтобы отвлечь часть сил турецкой армии от Бессарабии, где князь Г.А. Потемкин осенью 1789 г. готовился к осаде города Бендеры. Выход Австрии из войны осложнил бы положение российского двора, ведь наряду с турецкой кампанией Россия вела войну со Швецией, которую также поддерживали Великобритания и Пруссия.

Санкт-Петербург через своих представителей при дворах великих европейских держав внимательно следил за известиями, приходившими из отложившихся от австрийской власти бельгийских провинций. Коллегия иностранных дел еженедельно получала депеши российских дипломатов из Вены, Брюсселя, Лондона, Берлина и Гааги с информацией о состоянии армии и финансов революционной Бельгийской республики, политической борьбе в рядах революционеров и их контактах с тремя со-

---

² Так, Камиль Демулен, вдохновленный поступавшими из Бельгии известиями о Брабантской революции, учредил революционную газету под названием «*Les Révolutions de France et de Brabant*» («Революции Франции и Брабанта»).

³ Анри Шарль Николя ван дер Ноот (1731–1827), адвокат брабантского судебного совета. После своей речи на заседании Брабантских штатов в 1787 г. с критикой реформ Иосифа II как противоречащих традиционному законодательству бельгийских провинций А. Ван дер Ноот приобрел популярность среди оппозиционно настроенных жителей Брюсселя. В 1789 г. провозгласив себя «полномочным агентом брабантского народа», он возглавил консервативное крыло революционного движения (аристократы или штатисты), выступавшее за сохранение традиционного общественно-политического уклада бельгийских провинций, которое было упразднено в 1780-е гг. в результате реформ Иосифа II. В январе 1790 г. Ван дер Ноот был избран президентом Бельгийских соединенных штатов. Подробнее см.: *Van Dalen A. Henri Van der Noot. Le «héros» de la Révolution brabançonne de 1789 à travers sa correspondance (1788–1822). Bruxelles, 2011.*

юзными державами. Российские дипломаты в своем стремлении представить в Коллегию иностранных дел как можно более полные сведения о происходящем использовали все доступные им способы их получения. Помимо бесед с представителями местного правительства или занимающими определенное положение при дворе людьми, которые составляли личный круг знакомств дипломатов, помимо официальных документов и газет, то есть сравнительно открытых источников, российские посланники, равно как и их зарубежные коллеги, не пренебрегали и другими средствами получения интересующей их информации. В частности, главами европейских дипломатических представительств лично или через сотрудников посольств практиковалось создание негласной сети информаторов, чаще всего из среды чиновников и секретарей, работавших при местном правительстве и получавших щедрую прибавку к официальному жалованью из фондов дипломатической миссии⁴.

При необходимости же изучить положение дел в местах ведения боевых действий или в затронутых восстаниями и революциями государствах дипломаты прибегали к услугам нанятых агентов⁵ или же тайно направляли туда сотрудников посольств, как это было в случае с советником российского представительства в Гааге М.С. Новиковым, который по поручению полномочного министра С.А. Колычева в марте 1790 г. под видом путешественника отправился в Бельгию. В настоящей работе мы рассмотрим осуществление этой, как называл ее Колычев, «тайной комиссии» Новикова, пробывшего в революционной республике пять месяцев – с конца марта до конца августа 1790 г.

На основании материалов комиссии, обнаруженных нами среди донесений Колычева, которые хранятся в фондах Архива внешней политики Российской империи⁶, мы проследим за процессом подготовки миссии Новикова и ее согласования с Коллегией иностранных дел, а также рассмотрим обстоятельства пребывания российского шпиона в бельгийских провинциях: способы его перемещения и сообщения с представительством в Гааге, контакты на местах, методы сбора информации, равно как и характер интересующих дипломата сведений.

Отправка российской дипломатической миссией своего сотрудника в революционные бельгийские провинции представлялась рискованным

⁴ Подробнее см. *Corneliu B. L'évolution de la technique diplomatique au dix-huitième siècle. P., 1937.*

⁵ *Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. P., 1990. P. 129.*

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6.

шагом. В условиях царящей в бельгийском обществе атмосферы всеобщего недоверия, особенно усилившегося после разгрома демократической партии Жана-Франсуа Вонка⁷ в марте 1790 г., возможное разоблачение и арест российского шпиона сказались бы не только на положении С.А. Колычева в Гааге как инициатора этой тайной миссии, но и вызвали бы возмущение в дипломатических кругах Пруссии и Великобритании, враждебно настроенных к России. К тому же на протяжении всего этого времени в Брюсселе на своем постоянном посту находился Генеральный консул Российской империи в Остенде Иоганн Фациус, который не прекращал информировать главу Коллегии иностранных дел И.А. Остермана о развернувшейся в Австрийских Нидерландах революции⁸. Какими же мотивами руководствовался Колычев, отправляя Новикова в бельгийские провинции, и почему Коллегия иностранных дел не могла довольствоваться только сведениями, получаемыми от Фациуса?

Положение в Бельгии к марту 1790 г.

На протяжении всего 1789 г. противостояние австрийской администрации и бельгийской оппозиции возрастало. После того как 18 июня 1789 г. император Иосиф II упразднил конституционную хартию Брабантского герцогства «Радостное вступление» (*Blijde Inkomst, Joyeuse Entrée*) – основной закон провинции – и распустил собрание Брабантских штатов, бельгийская оппозиция потеряла возможность оказывать сопротивление австрийской власти в рамках закона. Брюссельские улицы наводнили афиши, призывавшие жителей города оставить свое ремесло и выступить в защиту конституции и католической религии, присоединившись к освободительной армии, которую совместно с полковником

---

⁷ Жан-Франсуа Вонк (1743–1792), адвокат Брабантского судебного совета. Основатель тайного патриотического общества «*Pro aris et focis*» («За алтари и очаги»), он после свержения австрийской власти возглавил демократическое крыло революционного движения – партию вонкистов, выступавшую за реформирование общественно-политического устройства бельгийских провинций в соответствии с идеями французского Просвещения. После захвата власти сторонниками Ван дер Ноота в марте 1790 г. Вонк был вынужден бежать во Францию. Подробнее см.: *Études sur le XVIIIe siècle* / Éd. par. R. Mortier, H. Hasquin. Vol. 24. Jean-François Vonck (1743–1792). Bruxelles, 1996 ; *Tassier S. Les démocrates belges de 1789*. Hayez, 1989.

⁸ Несмотря на свою официальную должность – Генеральный консул в Остенде, Фациус получил разрешение Остермана находиться в Брюсселе, где и пребывал со своей семьей начиная с 1784 г. Подробнее о нем и его донесениях см.: *Намазова А.С.* Указ. соч.

Жаном-Андре ван дер Мершем⁹ начал формировать Вонк. Добровольцы собирались на территории Республики Соединенных провинций под городом Бреда, где с сентября 1789 г. действовал объединенный революционный комитет под предводительством Ван дер Ноота.

Перед приездом в Бреду этот «полномочный агент брабантского народа» не оставлял попыток заручиться поддержкой британского и прусского дворов. Премьер-министр Великобритании У. Питт дважды отказывал ему в аудиенции¹⁰, в то время как прусский государственный секретарь Э. Гертцберг согласился принять Ван дер Ноота и впоследствии поддерживал с ним контакты через генерала М. фон Шлиффена¹¹. Однако Пруссия не пошла дальше обещаний дипломатической поддержки, и революционная армия для закупки обмундирования должна была довольствоваться средствами, которые направляли в Бреду брабантские и фламандские монастыри: духовенство принимало активное участие в революции, одним из лозунгов которой была защита католической религии от посягательств императорской власти.

24 октября 1789 г. революционный комитет в Бреду опубликовал «Манифест брабантского народа», в котором Ван дер Ноот объявил о низложении императора Иосифа II и призвал бельгийцев начать всеобщее восстание. Несколько дней спустя революционная армия Ван дер Мерша пересекла границу Австрийских Нидерландов и в городе Турнхаут впервые столкнулась с австрийскими войсками. Поддерживаемые местными жителями отряды бельгийских волонтеров разбили австрийский гарнизон. 17 ноября пала столица Фландрии – Гент, где был создан революционный комитет, объявивший о своем суверенитете над территорией графства. Иосиф II срочно направил в Брюссель вице-канцлера И.Ф. Кобенцля, которому было поручено вести переговоры о прекращении беспорядков в обмен на восстановление традиционного законодательства бельгийских провинций и привилегий местных государственных институтов¹². Однако вскоре надежды Иосифа II

---

⁹ Жан-Андре ван дер Мерш (1734–1792) вступил в австрийскую армию в 1778 г. Сочувствующий идеям бельгийских демократов, Ван дер Мерш осенью 1789 г. получил от Вонка предложение возглавить революционную армию. После провозглашения Бельгийских соединенных штатов он в чине генерала возглавлял армию республики до апреля 1790 г., когда был арестован по приказу правительства аристократов.

¹⁰ *Van Dalen A.* Henri Van der Noot. P. 149.

¹¹ *Tassier S.* Les démocrates belges. P. 106.

¹² Ответ Иосифа II на письмо Кобенцля от 25 ноября 1789 г. – *Correspondances intimes de l'Empereur Joseph II avec son ami le comte de Cobenzl et son premier ministre le prince de Kaunitz / Éd. par S. Brunner.* Mayence, 1871. P. 123.

на мирное урегулирование конфликта были разрушены. 10 декабря в Брюсселе началось восстание: атакованный горожанами императорский гарнизон под командованием генерала Р. Альтона был вынужден оставить город вместе с представителями австрийской администрации во главе с полномочным министром Ф. Трауттмансдорфом.

В руках революционеров оказались все бельгийские провинции, за исключением остававшегося под контролем Австрии Люксембурга, который от северной и центральной части Австрийских Нидерландов отделяло Льежское епископство. 11 января 1790 г. на заседании Генеральных штатов в Брюсселе на территории Австрийских Нидерландов была провозглашена республика Бельгийских соединенных штатов – конфедерация десяти бельгийских провинций. Исполнительная власть была поручена правительству во главе с Ван дер Ноотом, который был избран президентом республики. Генеральные штаты, ставшие Генеральным конгрессом, закрепили за собой законодательные полномочия и объявили о своем высшем суверенитете в государстве. Именно вопрос о суверенитете штатов послужил формальной причиной раскола революционного движения. Демократы во главе с Вонком и Ван дер Мершем требовали признать верховный суверенитет народа: так, офицеры, поддерживавшие демократов, отказались присягать на верность Генеральным штатам и 9 марта 1790 г. на площади Гран плас демонстративно поклялись в верности всей бельгийской нации. Через несколько дней в Брюсселе вспыхнули беспорядки, инициированные лидерами аристократов, желавшими таким образом расправиться с «Патриотическим обществом» Вонка, который был вынужден бежать во Францию. Незадолго до этого из Вены пришли известия о смерти Иосифа II от туберкулеза 20 февраля 1790 г. Брат покойного императора и его наследник Леопольд II немедленно обратился к поданным с предложением восстановить отмененное Иосифом II традиционное законодательство бельгийских провинций и прежде всего хартию «Радостное вступление». Кроме того, бельгийцам была обещана всеобщая амнистия, за исключением лидеров восстания, которые, впрочем, предложения Леопольда II проигнорировали.

Иоганн Фациус в столице революционной республики

Российский консул в Австрийских Нидерландах И. Фациус, до последнего не веривший в успех восстания, неожиданно для себя оказался в охваченной беспорядками столице революционной Бельгийской

республики. Положение его было крайне затруднительным: фигура официального представителя российского двора, ближайшего союзника ненавистной бельгийцам австрийской монархии, жившего со своей многочисленной семьей в самом центре революционного Брюсселя, вполне могла стать объектом повышенного интереса революционных властей, которые с пристальным вниманием следили за иностранцами, находившимися на территории республики. Так, в одном из своих донесений Фациус сообщал Остерману об аресте в конце мая 1790 г. принятого за шпиона некоего полковника Гардинера, недавно прибывшего в Бельгию из Англии¹³. При расследовании выяснилось, что полковник имел при себе сопроводительное письмо из Форин-офис и был отправлен в бельгийские провинции для того, чтобы информировать британское внешнеполитическое ведомство о происходивших там событиях. Революционное правительство в своем стремлении получить дипломатическое признание хотя бы одной из великих держав незамедлительно признало Гардинера официальным посланником британского короля на основании этого сопроводительного письма¹⁴.

Начиная с декабря 1789 г. Фациус, опасавшийся за безопасность своей семьи, неоднократно обращался к Остерману с остававшимися без ответа просьбами разрешить ему выехать из Брюсселя как можно скорее. Несколько месяцев спустя, в феврале 1790 г., когда разрешение на выезд все же было получено, дипломат все же счел возможным остаться в столице бельгийских провинций, где к этому времени с помощью гражданской милиции была налажена охрана общественного порядка¹⁵. Впрочем, несмотря на некоторую стабилизацию положения, российский дипломат все же не мог чувствовать себя в полной безопасности, не будучи уверен в сохранении конфиденциальности своей переписки с российским двором¹⁶. Бельгийские революционные власти довольно часто прибегали к перлюстрации корреспонденции «подозрительных лиц». Поводом для вскрытия почты мог стать как донос от преданных революции граждан, так и факт получения «подозрительным

¹³ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д.1228. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 28об.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д.1226. Л. 39.

¹⁶ О влиянии революционных событий на тексты донесений Фациуса см.: Моторнов Р.В. Донесения российских дипломатов и республика Бельгийских соединенных штатов в 1789—1790 гг.: революционный политический дискурс в дипломатической переписке // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Вып. 6 (39) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001173-9-1> (дата обращения: 30.09.2015).

лицом» писем от высокопоставленных иностранцев, как это было в случае с одним из жителей ирландского доминиканского монастыря в Левене, который состоял в переписке с епископом Кельнским¹⁷.

Таким образом, несмотря на выгодное для наблюдения за революционными событиями положение – в столице мятежных провинций, Фациус не имел возможности для полноценной работы по сбору интересовавшей Коллегию иностранных дел информации, что он не раз отмечал в донесениях Остерману и в письмах Колычеву. Так, в депеше от 25 января 1790 г. Колычев сообщал:

«Господин Фациус по званию своему знает тамо слишком, чтоб не быть приметным в кругах, в злобе зараженных к императору; и сколь ни осторожно себя ведет, не может однако ж избежать подозрения, а конечно было бы не безнужно теперь пребывание его тамо; но посмеет ли он казаться в обществах (т. е. посещать приемы и салоны – *P.M.*) или же присматривать за тамошними подвигами? Неприличность, ниже глубокая его старость того ему не дозволяет»¹⁸.

Действительно, в сложившихся условиях 69-летний Фациус должен был быть осторожным в своих контактах. Общение официального представителя российского двора с бывшими чиновниками австрийской администрации или бельгийскими роялистами могло вызвать болезненную реакцию революционной власти. Тем не менее среди материалов Главного королевского архива Брюсселя, посвященных противодействию шпионажу и относящихся к периоду Бельгийских соединенных штатов (1789–1790 гг.)¹⁹, сведений о российском представителе мы не обнаружили. Поэтому невозможно с уверенностью утверждать, насколько были справедливы опасения российских дипломатов относительно слежки за Фациусом. Тем не менее он все же предпочел ограничить свои контакты в брюссельском обществе, черпая сведения для своих донесений преимущественно из газет и памфлетов.

Проект «секретной комиссии» М.С. Новикова

В мирное время Фациус, как и любой другой дипломат, должен был не только информировать свое внешнеполитическое ведомство о важ-

---

¹⁷ Copie de lettre de Louvain du 18 février 1790 // Archives Générales du Royaume – AGR (Bruxelles). T087. Verenigde Nederlandse Staten – Etats belgiques unis. 13. Deuxième bureau : espionnage et contrespionnage.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 333. Л. 25.

¹⁹ AGR. T087. Verenigde Nederlandse Staten – Etats belgiques unis. 13. Deuxième bureau : espionnage et contrespionnage.

ных новостях и настроениях в обществе, но и защищать интересы своей державы, а по возможности и способствовать принятию выгодных ей решений. Разумеется, последнее стало невозможным после падения австрийской власти в Бельгии, а потому в подобных условиях функция информатора становилась для Фазиуса главной. Однако как мы видели ранее, связанный своим дипломатическим статусом российский генеральный консул не мог в полной мере с ней справиться. В связи с этим возникла необходимость в новом источнике известий о делах бельгийских провинций. Решить эту задачу могла отправка российского шпиона в Брюссель, что Колычев и предложил сделать Остерману в упомянутой выше депеше от 25 января 1790 г.²⁰:

«Не угодно ль будет послать в Брюссель под образом путешественника человека надежного, который бы, следуя за тамошними действиями и скрывая должность свою временным отлучением в Спа или другие окружные места, мог бы из оных подавать для сведения высочайшего двора известия, также и о поступках находящихся в Австрийских Нидерландах эмиссаров соседних держав, сии эмиссары находятся тамо под разными предлогами, имеют с нахальниками сношение и служат инструментом злонамеренных замыслов»²¹.

Российский шпион, отправляющийся в бельгийские провинции как путешественник, обладал бы несоизмеримо большей по сравнению с официальным дипломатическим представителем степенью свободы в своих перемещениях. Посетив проездом из Гааги несколько бельгийских городов, российский путешественник – и это было вполне естественно – мог бы задержаться городе Спа, целебная сила вод которого была известна по всей Европе. К тому же Спа находился на территории Льежского епископства, которое на протяжении зимы и весны 1790 г. все еще было оккупировано прусскими войсками, отправленными туда в ноябре 1789 г. для подавления Льежской революции²².

Для исполнения этой секретной миссии С.А. Колычев предложил Остерману кандидатуру советника российского посольства в Гааге Михаила Семеновича Новикова:

---

²⁰ Интересно, что эта депеша с изложением проекта «секретной комиссии» написана рукой самого Колычева, в то время как большинство его донесений переписывалось наisto копиистами.

²¹ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 333. Л. 25об.

²² Льежская революция началась в августе 1789 с восстания в Льеже, направленного против власти князя-епископа К.-Ф. де Хунсбрука. После бегства епископа в городе была провозглашена республика.

«Советник посольства Новиков мог бы с успехом сию комиссию исполнить, переписка его состояла бы со мною, а я разнорядил бы так, чтоб письма его доходили до меня под чужим именем, и после доносил бы ко двору о преподаваемых в них описаниях»²³.

Следовательно, российский агент, будучи в Спа, смог бы находиться в непосредственной близости от Брюсселя и свободно посещать бельгийские провинции, при этом не опасаясь за конфиденциальность своей переписки с Колычевым. Подготовка этого путешествия требовала некоторых расходов, что Колычев особо отметил в письме Остерману: «На такой случай ваше сиятельство сами признать изволят, что должно будет определить на его издержки некоторую сумму»²⁴.

В XVIII в. европейские дипломаты достаточно часто пользовались услугами тайных агентов и шпионов, которых направляли в места боевых действий или на территории, охваченные восстаниями, – туда, где пребывание официальных иностранных представителей было невозможным. С началом Французской революции эта практика приобрела еще больший размах: так, во Франции в 1790 г. действовали сразу несколько английских агентов, которые наблюдали за настроениями во французском обществе, собирали информацию о состоянии французской армии, а после провозглашения республики изучали возможность восстановления монархии. Для получения этой информации британское правительство не ограничивалось только отправкой своих шпионов во Францию, но и прибегало к услугам французских агентов²⁵. В нашем же случае тайная миссия была поручена штатному сотруднику российского представительства в Гааге, причем занимавшему достаточно высокую должность советника посольства. Колычев при выборе кандидатуры Новикова руководствовался прежде всего его личными качествами, а также опытом, приобретенным за годы службы. Отвечая на согласие Остермана отправить Новикова в Бельгию, полученное в конце февраля 1790 г., С.А. Колычев так характеризовал 49-летнего дипломата:

«Я, зная его ревность и прилежание к службе, смею уверить ваше сиятельство, что он не преминет сделаться достойным возложенной на него доверенности и отнесется с должною осторожностью»²⁶.

²³ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 333. Л. 25 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Подробнее см.: *Marquis H. L'espionnage britannique en France pendant la Révolution française (1789–1802)*. Lille, 1990; *Hut M. Spies in France, 1793–1808 // History today*. 1962. P. 158–167.

²⁶ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 3–3 об.

Действительно, к 1790 г. Новиков прошел весь традиционный для российской дипломатии карьерный путь. Поступив на службу в Коллегию иностранных дел в 1754 г.²⁷, он в 1762 г. получил должность актуариуса, а в 1763 г. – был впервые отправлен за границу, сначала в Испанию, а затем во Францию. В 1770–1779 гг. он работал переводчиком в российском посольстве в Париже, откуда был переведен в Гаагу с получением чина асессора²⁸. После этого в качестве советника посольства Новиков несколько месяцев в 1782 г. находился в Дрездене, пока снова не был возвращен в российское посольство в Республике Соединенных провинций, где и работал к 1790 г.²⁹

Подготовка миссии: поиск доверенных лиц в Брюсселе

Тайная командировка Новикова в бельгийские провинции требовала обстоятельной подготовки, ведь для получения необходимой информации было недостаточно черпать ее из открытых источников, газет и памфлетов, – с этим прекрасно справлялся и консул Фациус. Гораздо более ценными были сведения, которые могли предоставить оставшиеся в бельгийских провинциях роялисты, с которыми Фациус более не мог поддерживать отношения. А потому отправлявшемуся на воды Спа российскому путешественнику помимо изготовления документов на вымышленное имя требовалось установить контакты с лояльными австрийскому двору представителями бельгийской знати. Но в условиях революционной диктатуры, когда даже сами революционеры не были уверены в своей безопасности, оставшиеся в Бельгии бывшие чиновники австрийской администрации и просто близкие к австрийскому двору бельгийцы пребывали в постоянном страхе ареста и вряд ли бы стали делиться своими соображениями относительно происходящего с проезжим гостем. Тогда каким образом это предприятие становилось возможным?

По замыслу Кольчева, Новиков должен был установить контакты с интересующими его людьми, опираясь прежде всего на связи высоко-

---

²⁷ Согласно «Списку о службе» в 1798 г. дипломату было 56 лет. Следовательно, Новиков родился в 1742 г. Таким образом, получается, что первую свою должность копииста он получил в 12 лет (в 1754 г.), возможно работая под началом своего отца. – См.: АВПРИ. Ф. Дела личного состава и хозяйственный департамент (ДЛС и ХД). Оп. 464. Формулярные списки. Д. 2428. Л. 3.

²⁸ Рапорт М.С. Новикова от 21 декабря 1789 / 1 января 1783 г. // АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 2428. Л. 1.

²⁹ Список о службе коллежского советника и кавалера Михаила Семеновича сына Новикова, 1798 г. Там же. Л. 3.

поставленных чиновников австрийской администрации, бежавших из Брюсселя после революции. В ходе подготовки миссии Кольчеву удалось заручиться поддержкой пребывающего в Гааге австрийского функционера барона Фельца (1744-1820). В зашифрованной депеше от 2/13 апреля 1790 г. дипломат сообщал Остерману, что «выпросил ему (Новикову – *P. M.*) у известного барона Фельца рекомендательные письма к некоторым особам, кои по привязанности своей к венскому двору переписываются тайно с эрц-герцогинею»³⁰. Представитель знатного люксембургского рода, барон Фельц в ходе реформ Иосифа II 1780-х гг. получил должность в Государственном совете Австрийских Нидерландов³¹. После того как австрийская администрация бежала из Брюсселя, барон Фельц перебрался в свой родной Люксембург. А в феврале 1790 г. прибывший туда по поручению Иосифа II вице-канцлер Кобенцль отправил Фельца в Республику Соединенных провинций под предлогом закупки провианта для стоявшей в Люксембурге австрийской армии, хотя в гораздо большей степени Кобенцля интересовали отношения нидерландских властей с бельгийскими революционерами³².

Таким образом, рекомендательные письма Фельца могли обеспечить Новикову в Брюсселе контакты с неизвестными ему ранее бельгийскими роялистами. Впрочем, нельзя сказать, что Новиков не знал вообще никого из оставшихся в Брюсселе бывших австрийских чиновников, но совершенно точно можно было утверждать, что не все из них были пламенными сторонниками восстановления австрийской власти. Так, проницательный Кольчев предвидел возможность встречи Новикова со знавшим его лично бывшим австрийским полномочным министром в Гааге Шарлем де Меродом (1762–1830), который вскоре после провозглашения Бельгийской республики покинул свой пост и выступил в поддержку революции³³. Граф де Мерод, в 1788 г. назначенный полномочным министром австрийского двора в Гааге, должен был знать сотрудников российского посольства, учитывая союзнические отношения России и Австрии. Таким образом, случайная

³⁰ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 54.

³¹ *Neyen A.* Biographie luxembourgeoise. Luxembourg, 1860. Vol. 1. P. 195–196.

³² *Gachard L. P.* Documents politiques et diplomatiques sur la révolution belge de 1790. Bruxelles, 1834. P. 259.

³³ «Бывший здесь императорский министр граф Мероде попросил от службы увольнения и вошел в штаты во Фландрии. Хотя венский двор и не прислал ему еще отзывной грамоты, однако ж он, несмотря на сие, пристал к противной партии его двора, забыв все милости императора». – Депеша С.А. Кольчева Остерману от 9/20 апреля 1790 г. АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 63.

встреча с ним в Брюсселе российского тайного агента, отправлявшегося туда под чужим именем, могла привести к провалу всей «тайной комиссии». На этот случай у Новикова была заготовлена особая легенда:

«...советник посольства Новиков поехал под другим именем в Брюссель, а там назовется своим, ибо лично может повстречаться с графом Меродом, который его знает и на случай, если бы стал говорить с ним, то скажет он ему, что, получа увольнение от службы, едет лечиться к целительным водам»³⁴.

11 апреля 1790 г., после того, как все детали тайной миссии были уточнены, Новиков отправился в столицу революционной республики, где ему предстояло встретиться с сохранявшими верность императору роялистами, о чем Колычев сообщил Остерману в депеше от 2/13 апреля, выразив уверенность в успехе предприятия:

«По средствам сих людей воспользуется он, сколько можно достигнуть своей цели, хотя обстоятельства, становящиеся день ото дня труднейшими, и не позволяли ему оставаться там долгое время. Распорядясь таким образом, отправление его и не скрывая того от особ, преданных двору венскому, надеюсь я, что ваше сиятельство изволите сие опробовать»³⁵.

Новиков в Бельгии: методы работы российского агента

В своей следующей депеше от 13/24 апреля Колычев сообщал Остерману, что Новиков благополучно добрался до Брюсселя³⁶. Первое письмо российского шпиона, полученное Колычевым, было отправлено 12 апреля – Новиков без промедления приступил к своей работе. В столице революционной республики он пробыл в общей сложности около двух недель. За это время он, как и предполагалось, установил контакты с людьми, которые, сохраняя еще некоторое положение в бельгийском обществе, обладали необходимой информацией. Установить точно, с кем общался Новиков, не представляется возможным: дипломат предпочитал не упоминать имена своих информаторов, ограничиваясь ссылкой на «заслуживающих почтения людей», «с верной стороны» сообщавших ему те или иные сведения³⁷. Такая предосторожность вполне

³⁴ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 54.

³⁵ Там же. Л. 55.

³⁶ Там же. Л. 75.

³⁷ Там же. Л. 75, 83.

объяснима: письма российского дипломата не были зашифрованы, хотя он и вел переписку с Колычевым на русском языке. Шифровка же иностранным путешественником своих «частных» писем неминуемо навлекла бы на него подозрение революционных властей.

За первый период своего пребывания в Брюсселе Новиков отправил в Гаагу два письма. Первое, как уже упоминалось, датировано 12 апреля. Дату отправки второго установить сложнее, поскольку среди донесений С.А. Колычева И.А. Остерману копия этого письма отсутствует, однако сведения из него вошли в текст депеши российского посланника в Гааге от 13/24 апреля. Новикова интересовали прежде всего контакты революционного правительства с представителями иностранных держав – Пруссией, Англией и Францией. В целом добытая дипломатом информация подтверждала уже имеющиеся у российского посольства в Гааге сведения:

«Известный прусак Бургаузен поныне еще в Брюсселе поверенною особою и пользуется откровенностию Ван дер Ноота и Ван Юпена. Через его посредство вступает в тамошнюю службу множество прусских офицеров. От Лондонского двора находится некий Кертенер, а от французского несколько офицеров, за коими, равно как и за всеми чужестранцами, весьма прилежно примечают»³⁸.

Советник прусского полномочного министра в Париже барона Альфенслебена Бургаузен приехал в Брюссель из Берлина в конце января 1790 г. и сразу же приобрел большое влияние среди бельгийских революционеров и лично на президента республики Ван дер Ноота и государственного секретаря Бельгийских соединенных штатов каноника П. ван Эйпена³⁹. Представитель же английского двора Кертенер, упоминавшийся в письме, – никто иной, как полковник Гардинер, о котором Фациус писал Остерману в одном из своих майских донесений.

Вторым важным сюжетом, который Новиков освещал в своих первых письмах, стало положение революционной армии, вернее, опровержение слухов о ее численности и состоянии. Действительно, Новиков отправлялся в Бельгию, уже располагая некоторой информацией о положении в бельгийской армии, которое российские дипломаты в Гааге получали из разного рода источников: бельгийских и нидерландских газет, бесед с представителями иностранных держав и т.д. Естественно, что после своего приезда в Брюссель Новиков, прежде чем начать все-

³⁸ Там же. Л. 77.

³⁹ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 333. Л. 24.

сторонне изучать положение дел в бельгийских провинциях, первым делом приступил к проверке уже имевшихся у него сведений. Таким образом, информация о присутствии в Брюсселе представителей Англии и Пруссии подтвердилась, в то время как данные о состоянии армии во многом оказались ложными. Так, М.С. Новиков в письме от 12 апреля 1790 г. пишет:

«Здесьнюю армию считают до 12 тысяч: однако мне с верной стороны сказано, что в ней нет и десяти тысяч. На подмогу ей хотят послать брюссельских волонтеров; но как они служат по воле и без платы, а притом большею частию купецкие и малолетние дети, то многие из них начинают отказываться от службы»⁴⁰.

Разного рода сведения, которые российский дипломат изначально имел в своем распоряжении и которые в дальнейшем не получили подтверждения (в нашем случае речь идет о численности армии), Новиков обозначает как слухи, но никоим образом не исключает из своего отчета. Проверка этих слухов, которые доходили посредством разных источников до российских дипломатов в Гааге, вероятно, была первоочередной задачей Новикова. Он не только анализировал эту информацию на предмет ее соответствия действительному положению дел, но и стремился установить источник непроверенных фактов:

«Между множеством распускаемых слухов немало случается и здесь, как и в Голландии таковых, которые выдуманы либо нарочно, или же из пристрастия то к той, то к другой партии»⁴¹.

Вместе с тем российский дипломат был занят отнюдь не только проверкой слухов. К моменту, когда он прибыл в Брюссель, бельгийская столица активно обсуждала готовящийся над генералом Ван дер Мерш суд, что не осталось без внимания Новикова.

Глава революционной армии генерал Ван дер Мерш, снискавший славу в сражениях с австрийскими войсками, освободитель Бельгии, не скрывал своей приверженности к демократической партии, разгромленной в марте 1790 г. Лидеры аристократов не намерены были далее терпеть демократа на таком посту. Формальным поводом для его отстранения от командования армией стал арест близкими ему офицерами делегатов Генерального конгресса, прибывших в ставку революционной армии в Намюре с инспекцией. 13 апреля 1790 г. на пост командующего армией республики был назначен прусский генерал Шёнфельдт,

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 83.

⁴¹ Там же. Л. 82.

а Ван дер Мерш арестован. Российский дипломат обращал внимание на то, что дело Ван дер Мерша вызвало серьезный кризис в бельгийском обществе, где арест брабантскими властями фламандца Ван дер Мерша стал серьезным испытанием для общенациональной солидарности. В Брабанте, отмечал Новиков, этот акт получил широкую общественную поддержку: «...в сей провинции множество народу разного класса, почитая ван дер Мерса действительно злодеем, алчет его смерти»⁴². Напротив, во Фландрии арест Ван дер Мерша брабантцами вызвал всеобщее негодование:

«...фламандские штаты в угождение народу, из которых генерал Ван дер Мерс имеет к себе много преданных, требовали от брабантских штатов перевести его из антверпской крепости во Фландрию. <...> Сей отказ, как сказывают, столь сильно оскорбил фламандцев, что штаты их дали депутатам своим повеление оставить конгресс и возвратиться в свою провинцию»⁴³.

Процесс Ван дер Мерша перерос, таким образом, в серьезный конфликт между двумя крупнейшими провинциями Бельгийских соединенных штатов, поставив республику на грань распада. 21 апреля 1790 г. депутаты фламандских штатов направили государственному секретарю Ван Эйпену требование перевести Ван дер Мерша в Гент, о чем Новиков сообщил Колычеву. Ван Эйпен ответил категорическим отказом, что тут же вызвало волнения в Генте.

В условиях политического кризиса и конфликта между двумя бельгийскими провинциями Новиков решил отправиться во Фландрию, чтобы на месте разобраться в происходящем, поскольку брюссельское аристократическое правительство старалось замолчать этот вопрос⁴⁴. Он провел во Фландрии всю первую неделю мая, предположительно с 3 по 9 число. Из отчета Новикова от 10 мая 1790 г. следует, что он не только посетил фламандскую столицу – Гент, но и окрестные города и деревни, изучив настроения крестьян и простых горожан:

«...земледельцы тамошние не вмешиваются отныне в дела и занимаются работою своею. Но в столице дело иное; там от большого до малого все заражены правилами демократическими; о иных и слышать не хотят; а еще меньше отдаться по-прежнему венскому двору. Предубеждение, коим злодеи покойного императора ослепили сердца их

⁴² Там же. Л. 76.

⁴³ Там же. Л. 76 об.

⁴⁴ Там же. Л. 82 об.

столь сильно, что они ставят наследника его [Леопольда II – Р.М.] в одну цену с ним. Аристократы не смеют им перечить ни в чем; и так они, не теряя времени в спорах, делают новые учреждения согласно их правилам»⁴⁵.

Хотя многие лидеры демократического движения, в первую очередь Вонк, после мартовских событий бежали во Францию, демократы тем не менее пользовались симпатиями городского населения Фландрии. Местные интеллектуалы, главным образом адвокаты, при поддержке людей торговых профессий и городских низов, требовавших освобождения своего земляка Ван дер Мерша, открыто выступали против господства аристократов и желали построить во Фландрии тот общественный порядок, установить который демократам не удалось на территории всей Бельгии. Так, пишет Новиков, в Генте в противовес фламандским штатам был созвано Народное собрание⁴⁶, которое признало, что высший суверенитет в провинции принадлежит нации, а не штатам.

Вернувшись из Фландрии предположительно 9 мая, Новиков остался в Брюсселе до конца месяца. В это время революционное правительство, терявшее поддержку населения других бельгийских провинций, стремилось упрочить свое господство в Брабанте и развернуло настоящую охоту с одной стороны на демократов, с другой – на лояльных венскому двору роялистов. На фоне усиливавшихся репрессий весьма вероятно, что контакты Новикова с местными роялистами были затруднены: этим может объясняться отсутствие в его майских письмах сколько-нибудь точной информации о состоянии революционной армии и настроениях в Конгрессе и правительстве Бельгийских соединенных штатов. Тем не менее его донесения проливают свет на повседневную жизнь в столице республики. В письме от 13 мая 1790 г. Новиков описывает новое явление в жизни бельгийской столицы – ежедневные революционные шествия:

«Всякий день носят по улицам здесь бюст и портрет его [Ван дер Ноота – Р.М.], украшенный лавровым венцом. Церемония начинается в шесть часов по полудни против дома его следующим образом: музыка военная предшествует, за нею несут большое знамя бельжских провинций, потом выступает конница, в середине первой шеренги офицер держит бюст и ежеминутно его целует с восторгом, крича “виват!”, что все зрители должны повторить; на конце идут волонтеры, присяжные

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 335. Л. 5.

⁴⁶ Подробнее см.: *Pirenne H. Histoire de la Belgique*. Bruxelles, 1926. Т. 5. Р. 497.

по шесть членов в ряд, а позади их другая музыка турецкая... В те же дни по утрам бывает крестное хождение с образами, но последнее не столь многолюдно и не столь великолепно, как первое»⁴⁷.

Возникшее менее полугода назад революционное государство стремилось упрочить свое положение символической демонстрацией своего могущества, заимствуя практику широко распространенных в бельгийских провинциях барочных религиозных процессий со всей их пышностью и торжественностью. В Брюсселе к традиционным праздничным шествиям в честь святых покровителей города – св. Гудулы и св. Михаила – добавились светские революционные процессии во славу президента республики Ван дер Ноота, культ которого приобрел порой религиозные черты. Президент становился своего рода новым покровителем Брабанта, который в трудный момент встал на защиту католической религии и традиций герцогства. Для простых жителей Брюсселя отказ от демонстрации своей солидарности с участниками подобных процессий, замечал Новиков, мог закончиться плачевно:

«Боже, спаси того, кто дерзнет сказать, что ван дер Нот сей чести недостоин. Одна женщина почти до смерти прибита за то только, что не хотела настоящему портрету склоняться»⁴⁸.

Вскоре насилие стало привычным явлением на улицах Брюсселя. Начиная с 27 мая 1790 г. в Брюсселе городские низы в течение нескольких дней громили дома горожан, подозревавшихся в связях с демократами. Неутихавшие беспорядки побудили российского дипломата оставить бельгийскую столицу, о чем Колычев сообщил Остерману в зашифрованной депеше от 24 мая/5 июня 1790 г.:

«31 числа прошедшего месяца усиливающиеся в Брюсселе волнения понудили Г. Новикова для избежания опасности оставить на время сию землю. Он находится теперь в Бреде, откуда через несколько дней поедет в Спа и Aix-Chapelles [Аахен – P. M.], а потом ежели обстоятельства позволят, возвратится в прежнее место»⁴⁹.

Завершение миссии:

«Краткое описание положения в Австрийских Нидерландах»

В июле-августе 1790 г. положение в Бельгийской республике продолжало ухудшаться. Тяжелый экономический кризис, деморализован-

⁴⁷ Там же. Л. 7 об.

⁴⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 335. Л. 87 об.

ная армия, испытывавшая нехватку средств и провизии, напряженные отношения между центральной властью и Фландрией – все это способствовало дальнейшему росту нестабильности в Брабанте. Опасаясь за безопасность Новикова, в конце августа 1790 г. Колычев приказал ему покинуть Брюссель и вернуться в Гаагу. В зашифрованной депеше от 13/24 августа 1790 г. Колычев сообщал Остерману:

«В рассуждении продолжающегося с проезжающими чужестранцами в Брюсселе преследования и арестования их и дабы не подвергнуть тому же советника посольства Новикова, предписал я ему возвратиться сюда. Во все время уведомлял он меня о тамошних событиях и не в ту-не там пребывал»⁵⁰.

Среди полученных Коллегией иностранных дел донесений Колычева за июнь-август 1790 г. нет ни одного письма Новикова, а сам Колычев ни разу о нем не сообщает вплоть до только что процитированной депеши. При этом, как мы видим из ее текста, российский дипломат не прекращал на протяжении всего лета информировать Колычева о положении в Бельгии. К сожалению, невозможно точно определить, когда после своего отъезда в Спа 31 мая 1790 г. Новиков вернулся в Брюссель и совершал ли он еще какие-либо поездки в другие бельгийские провинции.

Перед возвращением в Гаагу Новиков подготовил итоговый отчет «Краткое описание положения Австрийских Нидерландов» – десятистраничный анализ причин революции и состояния Бельгийской республики к августу 1790 г. Главным инициатором революции Новиков называет духовенство, которое «служило первым орудием смущения и поднятия народа против своего монарха»⁵¹. Представители других сословий, особенно во Фландрии, по мнению дипломата, изначально не были настроены к австрийской монархии враждебно, но решились на восстание исключительно под влиянием духовенства:

«Растрогать и распалить фламандцев стоило духовенству великого труда, но сей чин столь почтенный наруша первый присягу свою, и управляя совестью народа, чего не в состоянии произвесть?»⁵²

Одной из главных причин успеха революции М.С. Новиков также называет разногласия между полномочным министром австрийского двора в Австрийских Нидерландах графом Трауттмансдорфом и гене-

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 337. Л. 22 об.

⁵¹ Там же. Л. 28.

⁵² Там же. Л. 28 об.

ралом Альтоном, главнокомандующим армией в бельгийских провинциях. Не сомневается российский дипломат в том, что их конфликт между собой стал результатом интриг бельгийской оппозиции: «Многие из хитрых заговорщиков старались поссорить графа Траутмансдорфа с генералом Альтоном, в чем и преуспели совершенно»⁵³.

В своеобразной манере Новиков рисует настроения в бельгийском обществе. Возникновение демократического движения он считает реакцией на политику захвативших власть аристократов:

«От сего беспорядка должно было ожидать другой партии. И так появилась под названием вонкистовой: чем более правила ее казались народу сходнейшими, тем более первая партия под именем аристократов старалась гнать вонкистов, начав с дюка д'Юрселя⁵⁴, генерала ван-дер-Мерса, и других народом любимых, которых ван дер Нот боялся»⁵⁵.

В действительности же движение демократов или вонкистов, безусловно, возникло задолго до революции, успех которой, собственно говоря, стал возможным исключительно благодаря революционной армии, организованной демократами во главе с Вонком и Ван дер Мершем. Любопытно, что и Фациус считал образование демократической партии всенародным ответом на репрессии правительства Ван дер Ноота. Последнего М.С. Новиков обвиняет в коррупции и воровстве средств, предназначавшихся для армии. В конечном счете все население бельгийских провинций оказалось настроенным против аристократического правительства Ван дер Ноота:

«Всякого звания люди очнулись и узнали свой обман: например, дворянство, вместо того, что думало играть ролью, презираемо настоящими шефами; купечество негодует от остановки торга, а крестьянство от разных принужденных служб, то есть ставить лошадей и телег для армии; словом сказать, неудовольствие оказывается во всех провинциях: из чего можно заключить, что шефы бунтовщиков не в состоянии долго бороться против австрийского дома»⁵⁶.

⁵³ Там же. Л. 29.

⁵⁴ Вольфганг Гийом де Урсель или Вольфганг Виллем ван Урсел (1750–1804). Один из ближайших приверженцев Вонка и офицер революционной армии. После разгрома демократического движения в марте 1790 г. был арестован, а затем бежал во Францию (*Van Houtte J. A. Algemene geschiedenis der Nederlanden: De revolutie tegemoet, 1748–1795. Utrecht, 1955. P. 174.*)

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 337. Л. 30.

⁵⁶ Там же. Л. 31.

Таким образом, по мнению дипломата, австрийской армии не составило бы особого труда вернуть бельгийские провинции под контроль венского двора, тем более что иностранные державы – Англия, Пруссия и Республика Соединенных провинций – более не собирались поддерживать восстание:

«Не ошибаясь, можно сказать, что брабантцы сами собою не в состоянии сделаться независимыми. Сверх того, что начальники их небыстрого ума люди и не в состоянии долго устоять, соседствующие Англия и Голландия никогда их до того не допустят, а может быть оставят на некоторое время, на вредный их произвол истощать и изнурять провинции»⁵⁷.

Действительно, 27 июля 1790 г. тремя союзными державами и Австрией была подписана Рейхенбахская конвенция, которая предполагала отказ Вены от продолжения войны с Турцией в обмен на обещание союзных дворов способствовать восстановлению австрийской власти в бельгийских провинциях. Осенью 1790 г. в Гааге открылась конференция великих держав, на которой предполагалось выработать условия возвращения Бельгии под власть Австрии. Во время работы конференции австрийские войска неуклонно продвигались в сторону Брюсселя, куда подошли к концу ноября 1790 г. Со вступлением австрийской армии в бельгийскую столицу 2 декабря 1790 г., республика Бельгийских соединенных штатов прекратила свое существование.

После восстановления австрийской власти в Бельгийских провинциях российская Коллегия иностранных дел поспешила отметить заслуги российских дипломатов, следивших за положением в Бельгии. Колычев был награжден медалью по случаю мира со Швецией⁵⁸. Новиков «за секретную комиссию во время происходящих в Австрийских Нидерландах замешательств заслужил апробацию»⁵⁹. Успешным выполнением миссии в революционной республике Новиков зарекомендовал себя как опытный дипломат, способный работать в сложных условиях. Хотя все детали «тайной комиссии» были тщательным образом продуманы – получен паспорт на другое имя, подготовлена легенда о путешествии, установлены контакты с местными роялистами, – командировка Новикова оставалась крайне рискованным предприятием на фоне царившей в бельгийском обществе атмосферы всеобщего подозрения.

⁵⁷ Там же. Л. 32.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 338. Л. 22.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 2428. Л. 3.

Тем не менее Новиков оказался способен в зависимости от происходящего адаптировать методы своей работы к меняющимся условиям, не дожидаясь инструкций Колычева.

В дальнейшем Новиков не раз привлекался Коллегией иностранных дел для несения службы в российских представительствах, находившихся в охваченных революцией странах. Два года спустя, в 1792 г., он был переведен в Париж с тем, чтобы в качестве временного поверенного сменить И.М. Симолина на посту представителя российского двора⁶⁰. Подобную же миссию временного поверенного в делах России выполнял Новиков в 1795 г. в занятой французскими войсками Республике Соединенных провинций, после того как российский полномочный министр Колычев более не мог оставаться на своем посту⁶¹.

Список литературы

- Bély L.* Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. P., 1990.
- Corneliu B.* L'évolution de la technique diplomatique au dix-huitième siècle. P., 1937.
- Correspondances intimes de l'Empereur Joseph II avec son ami le comte de Cobenzl et son premier ministre le prince de Kaunitz / Éd. par S. Brunner. Mayence, 1871.
- Études sur le XVIIIe siècle / Éd. par R.Mortier, H. Hasquin. Vol. 24. Jean-François Vonck (1743–1792). Bruxelles, 1996.
- Gachard L. P.* Documents politiques et diplomatiques sur la révolution belge de 1790. Bruxelles, 1834.
- Marquis H.* L'espionnage britannique en France pendant la Révolution française (1789–1802). Lille, 1990.
- Hut M.* Spies in France, 1793–1808 // History today. 1962.
- Neyen A.* Biographie luxembourgeoise. Luxembourg, 1860. Vol. 1.
- Pirenne H.* Histoire de la Belgique. Bruxelles, 1926. T. 5.
- Polasky J.* Revolution in Brussels, 1787–1793. Brussels, 1987.
- Tassier S.* Les démocrates belges de 1789. Hayez, 1989.
- Van Dalen A.* Henri Van der Noot. Le «héros» de la Révolution brabançonne de 1789 à travers sa correspondance (1788–1822). Bruxelles, 2011.

---

⁶⁰ *Черкасов П. П.* «Начертание настоящему Франции положению». Записка поверенного в делах России во Франции М.С. Новикова вице-канцлеру графу И.А. Остерману. От 13(2) июня 1792 года. Из фондов Архива внешней политики Российской империи // Россия и Франция XVIII–XX веков. Вып. 4. М, 2001. С. 107–117.

⁶¹ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Формулярные списки. Д. 2428. Л. 3.

Van Houtte J. A. Algemene geschiedenis der Nederlanden: De revolutie tegemoet, 1748–1795. Utrecht, 1955.

Намазова А.С. Брабантская революция 1787–1790 гг. в Австрийских Нидерландах // НиНИ. М., 2001. № 6. [Namazova A.S. Brabantskaja revoljucija 1787–1790 gg. v Avstrijskih Niderlandah // Novaja i Novejšaja istorija. М., 2001. № 6].

Черкасов П.П. «Начертание настоящему Франции положению». Записка поверенного в делах России во Франции М.С. Новикова вице-канцлеру графу И.А. Остерману. От 13(2) июня 1792 года. Из фондов Архива внешней политики Российской империи // Россия и Франция XVIII–XX веков. Вып. 4. М., 2001. [Cherkasov P.P. «Nachertanie nastojashhemu Francii polozheniju». Zapiska poverennogo v delah Rossii vo Francii M.S. Novikova vice-kancleru grafu I.A. Ostermanu. Ot 13(2) ijunja 1792 goda. Iz fondov Arhiva vneshnej politiki Rossijskoj imperii // Rossija i Francija XVIII–XX vekov. Vyp. 4. М., 2001].